

НАША СТРАНА

Год издания — 38-ой. Буэнос Айрес, суббота 11 января 1986

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 11 de enero de 1986. No. 1850

МЫСЛИ ВСЛУХ

Н. ФЕДОРЕНКО

ГНЕТУЩАЯ НАДСТРОЙКА

ДЕМАГОГИЯ ДЛЯ УЗУРПАЦИИ

Когда Хулиан Марияс утверждает, что демагогия является лишь одним из двух искушений, которым подвержена демократия, он не может не знать, что:

1. Демагогия является следствием демократии, а не ее искушением.

2. Словом "демагогия" зачастую в наши дни заменяется слово "демократия", особенно в тех местах, в которых в греческих подлинниках последняя определяется как неправильный режим.

Марияс этого не может не знать, по той простой причине, что он сам является одним из двух авторов наилучшего доселе перевода "Политики" Аристотеля на испанский язык, в котором все эти выражения переводятся правильно. Двухязычное издание "Политики", с указанным переводом на испанский язык, также снабжено длинным введением Марияса, в конце которого он критикует как раз те переводы, в которых подтасовываются эти политические термины. (Aristoteles, "Politica". Edición bilingüe y traducción por Julian Marias y María Araujo. Madrid, 1970).

Почему же тогда Марияс покрывает — сознательно — такое очковитательство? Потому что в наши дни над нашей цивилизацией довлеет своего рода коллективный гипноз, или какое-то заклинание, не допускающее идти против "демократической шерсти".

Если проанализировать следующее утверждение Марияса, что вторым искушением для демократии являются "злоупотребления партий", то не трудно установить, что это второе искушение на самом деле тождественно первому, так как именно партии и партюкраты занимаются демагогией в рамках демократии. Больше того, партии претендуют на тотальную монополию представительства всего народа, достигая каковую они фактически упраздняют то самой "соучастие всех", которое Марияс считает одним из двух "совершенств" демократии. Узурпация в большей или меньшей мере партиями, или партией, этого всеобщего соучастия и ведет автоматически к большей или меньшей потере также и другого "совершенства", на которое указывает Марияс, а именно легитимности.

Поэтому, всякая попытка спасения демократии для будущего, не может пройти мимо того решения, на которое неоднократно указывает А. Федосеев: в "истинной" (как он ее называет) демократии, не может быть места для партийных монополизмов. Что еще не значит, что партии, как свободные группировки, должны быть запрещены: они просто должны быть ограничены законом в их стремлениях к узурпации и монополизации политической власти.

И. А.

На апрельском пленуме Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза было принято постановление созвать очередную 27-ю сессию КПСС 25 февраля 1986 года.

На этом же пленуме 23 апреля 1985 года был утвержден порядок дня 27-го съезда компартии, из шести пунктов. Первые два пункта — отчеты Центрального комитета и Центральной ревизионной комиссии КПСС. Последний, шестой пункт — выборы центральных органов партии. Третий, четвертый и пятый пункты, то есть вся центральная часть съезда, посвящаются идеологическим проблемам коммунизма и самой компартии в нашей стране. Так, третий пункт гласит: "О новой редакции программы КПСС". Четвертый: "Об изменениях в уставе КПСС". Пятый: "Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986-1990 годы и на перспективу до 2000 года".

Через полгода после этого постановления, на октябрьском пленуме ЦК КПСС был одобрен проект новой редакции программы КПСС, который "вносится на широкое обсуждение всех коммунистов, всех трудящихся СССР", и который одновременно "вносится на рассмотрение и утверждение 27-го съезда КПСС". Причем, сказано, что "итоги обсуждения будут учтены при окончательном рассмотрении проекта новой редакции программы".

Опубликованный проект занимает шесть больших страниц газеты ЦК КПСС "Советская Культура", от 26 октября 1985 года, и состоит из введения и четырех частей, с подразделениями. Эти четыре части проекта имеют следующие заглавия: Переход от капитализма к социализму и коммунизму — основное содержание современной эпохи; Задачи КПСС по совершенствованию социализма и постепенному переходу к коммунизму; Задачи КПСС на международной арене, в борьбе за мир и социальный прогресс; Партия — руководящая сила советского общества.

Последняя, четвертая часть проекта новой редакции программы коммунистической партии в действительности и является главной и основной целью всей этой идеологической шумихи. Действительно, догматический волюнтаризм такого утверждения неопровержимой партийной гегемонии в общественной жизни ищет себе оправдания с помощью многословного и пустословного повторения старых и устаревших идеологизмов, в своем собственном законтенении ищущих спасения от естественного развития живых исторических процессов.

Таким образом, даже не сама по себе партийная гегемония является наитяжелейшей нагрузкой для духов-

ного, культурного и материального развития нашей страны, а та идеологическая надстройка марксизма, которая призывается в оправдание этой гегемонии.

В введении к проекту этой новой редакции партийной программы перечисляются все предыдущие программы. Так, отмечается, что первая программа была принята на 2-ом съезде в 1903 году, тогда еще РСДРП (Российской социал-демократической рабочей партии, так называвшейся с 1-го съезда, в 1898 году). Именно на этом 2-ом съезде в партии появились два течения: большевиков и меньшевиков. Вторая программа была принята на 8-ом съезде в 1919 году. (За год до этого, на 7-ом съезде, партия была переименована в Российскую коммунистическую партию, а через шесть лет, на 14-ом съезде, в связи с упразднением исторического имени нашей страны, в Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков) — ВКП (б)). Наконец, на 22-ом съезде, в 1961 году, была принята третья программа. Интересно, что теперь разрабатывается не четвертая по счету программа, а лишь "новая редакция" ее третьего варианта. Но, как отмечает и подчеркивает введение проекта, "Первым программным документом коммунистов" был "Манифест коммунистической партии", написанный в 1848 году К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Таким образом, из этого устаревшего и отжившего источника иностранных и чуждых нашей стране домыслов и предубеждений продолжают черпаться основные установки для нашей сегодняшней жизни. В первую очередь, символические, как то всякие кабаллистические звезды и серпы и молоты, насильно вытеснившие вместе с самим именем России ее традиционные исторические символы. Затем, идейные, как то несусветная идеологическая жвачка, заслонившая собою нашу традиционную христианскую культуру, с претензией полностью ее вытеснить и заменить. И, наконец, хозяйственные как то гипертрофированный государственный капитализм, с не менее гипертрофированной бюрократией, в полном согласии с исконным прусским казарменным духом, так хорошо переданным обоими первокоммунистами. Не говоря уже о наших кибуцах, являющихся неудачной смесью двух чуждых нам наклонностей (что отнюдь не исключает их удачное применение там, где они по духу так или иначе подходят к общей исторической и общественной обстановке), а также и причиной хронического регресса нашего земледелия, несмотря на все разглагольствования о прогрессе.

Но, кроме того, такая программная методология совершенно не

учитывает практических результатов всего многолетнего опыта, всех насильно проводившихся экспериментов, причем проводившихся с неумолимой последовательностью, несмотря ни на какие жертвы. Именно полное, а самое главное принципиальное игнорирование этих экспериментальных результатов насаждения у нас коммунистических программ, в корне лишает их всякого научного характера, несмотря на все суесловные претензии в этом отношении.

Наоборот, как раз это долгое экспериментирование у нас социализма, научно подтверждает его не только утопичность, но и абсурдность. Действительно, теперь уже не может быть никакого научного сомнения в полной неестественности и абсурдности всякого социализма, будь то развитого или недоразвитого, с человеческим лицом или без него, не говоря уже о коммунизме, осуществление которого отодвигается в будущее все больше и больше, по мере того как "развивается" социализм.

На этом смыкается порочный круг: с одной стороны идеологическая программная надстройка коммунизма призывается в оправдание существующих структур, а с другой стороны, для оправдания такого призыва тратятся невероятные усилия, за счет всей страны, чтобы скрыть реальное несоответствие между объективной действительностью и призываемой идеологией.

Именно с целью скрытия и затушевывания такого несоответствия между требованиями действительности и идеологическими предрассудками и производятся нескончаемые диалектические приспособления и ретушевки программных установок. Но эти словесные ретушевки никак не могут изменить к лучшему самой действительности.

Наоборот, действительная жизнь нашей страны лишь прогрессивно все больше и больше страдает от ее перманентного загона а прокрустово ложе очередных вариантов все одной и той же программы, на самом деле являющейся лишь гнетущей надстройкой, непомерно ее давящей.

Тем временем, настоящее и будущее нашей страны срочно требуют разработки и применения действительно экстренной программы, для того чтобы можно было приступить к разрешению проблем, давно ставших неотложными. Но, такая программа для спасения России ничего не имеет общего с намечающимися риторическими упражнениями для очередного подновления коммунистической программы.

Н. ФЕДОРЕНКО

Р. ПЛЕТНЕВ

СУДЬБА РОССИИ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ МИХАИЛА АГУРСКОГО "СУСЛОВ И РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ" ("ПОСЕВ" № 6, 1982)

Дельно и ясно изложил свои мысли М. Агурский. И если он среди писателей о деревне и крестьянах опустил Шукшина, это не в укор говорю, а в напоминание, что среди пишущих о крестьянах на первом месте по таланту и эру в литературе стоят Распутин да покойный Шукшин. Не в придирках дело, а в сути. Не думаю я, что Суслов так важен, и столь существенен его вариант использования коммунистами русского родолюбия и национального чувства. Постараюсь быть предельно кратким в аргументации своих положений и утверждений.

После октябрьской революции в РСФСР и в СССР привилегированное положение заняли партийцы-коммунисты и примкнувшие к партии инородцы и разночинцы. А. Солженицын очень хорошо это отметил, подчеркнув, что все аптекари, зубные врачи, присяжные поверенные и т. д. стали "сразу считать себя пролетариями". Когда началась советско-германская война, и в 1941 году немцы победоносно наступали, Сталин перепугался. Сдачи сотен тысяч в плен, паника в Москве заставили Джугашвили-Кобу-Сталина воззвать: 1) к русским, 2) к православию, 3) к братьям и сестрам. Сам я слушал: "... русский народ всегда был предан православию ..." Уже давно, не русский по крови, но русский по вере, по духу В. И. Даль понял, что православие и Россия слиты духовно. Поэтому Пушкин и дал ему свой заветный перстень и стал побратимом (крестовым братцем).

Не важно, что думал Суслов и уже с ним — Брежнев и Андропов. Видится мне решающим, что есть, есть, существует Дорога к Тебе, Россия!

Одно только и есть лекарство для оздоровления русского духа и сердца всех россиян — отречение от коммунизма и всех форм марксизма. Да узрят, наконец, что принес "Карла-Марла" жителям нашей родины!

Думается мне, что путь отречения виден многим, да тактика хода по нему может представляться различной, неодинаковой. Уход от Зла, Лжи компартии в основном, как бы, для всех честно мыслящих, намечен. Однако, заметны два варианта. Один — путь части интеллигенции в СССР, путь А. Сахарова, диссидентов и христианских демократов. И в этом варианте замечаются существенные отклонения одних от программ других. Конвергенция атеиста или скептика, героического борца за права граждан А. Сахарова не сойдется с более прямолинейной, православно-национальной установкой И. Огурцова и его сотоварищей. Я не вижу успеха на пути к демократии западного типа. Демократии Запада переживают отчаянный кризис морального упадка,

Посмертно печатая доселе, повидимому, нигде не опубликованную статью Р. В. Плетнева, мы, однако, должны отметить, что его веру в возможность "очищения и оздоровления компартии" никак не разделяли! Надеяться на компартию — безнадёжно (Ред.).

трусости и безответственности. Наступили поистине "Сумерки демократии".

Другая тактика борьбы с коммунизмом, с моей точки зрения, должна заключаться в постепенном внедрении национально-религиозных людей в партию. В этом случае честные люди и мечтающие сменить злых хапуг и фанатиков добрыми и умными, помогут отбиться от нынешней компартийной верхушки. Дело в том, что история попыток оздоровить, очистить компартию, изменить во многом ее внутреннюю политику исходила в ряде стран из самой партии. Уход от коллективизации и колхозов, право выезда на работы на Запад в Югославию; взрыв в партии и армии в Венгрии 1956 года; чешский мирный переворот 1967-1968 гг.; наконец и польские события. Вспомним, что трех секретарей сменила как ни как сама компартия. Чистка партии при Кане была сделана и под давлением членов польской компартии. Рабочее движение Солидарности известное время было терпимо, скрепя сердце, коммунистами. Колебания на Кубе, одно время, Кастро: Китай или СССР? шли из компартии. Изменение торгово-промышленных распоряжений в Китае, отказ на 3/4 от маоизма — дело членов китайской компартии.

Вырвать власть из рук компартийцев в настоящее время дело безнадёжное. Всюду есть полиция, привилегированные, откормленные, хорошо оплачиваемые части особого назначения и ... огромная "инерция власти". Полиция же, даже в Афганистане, верна приказам предавших народ и веру! Поглядим, как быстро расправилась власть в СССР с диссидентами. Все — а они бывают — волнения среди рабочих не против коммунизма; они против хапуг, против личностей и неправд, а не против коммунизма и его доктрины. Большие некогда волнения в Новочеркасске шли под крики в честь Ленина! Это рабочие, с них взять нечего. Вспоминаю рассказ об академике, физиологе Павлове. Встречает его рабочий, когда перед церковью Павлов перекрестился. Рабочий и спросил у ученого: — "Неужто веришь? — Верю, — ответил Павлов. — Эх, темнота!" — заметил просвещенный трудящийся. Нет, не о малых и заблудших речь, а об "образованщине". Прибыл в США генерал Григоренко и сразу заявил редактору "Нового Русского Слова" — "Я — коммунист!" Теперь, судя по писанию его жены, "коммунизм из них стал выходить, как пар". Был в Канаде с визитом математик Плющ. Он сказал во всеуслышание, что остается коммунистом. Читал я, что во Франции он вступил в компартию. И это те, кто посидел и в тюрьмах СССР, и вкусил сладость пребывания в "психушках" страны "зрелого социализма".

Медленно входит дух Жизни в партию коммунистов. Сдается мне, грешному, что М. Агурский не очень доверяет русскости и русскому национализму. Верно; Сталин во многом

зло использовал и Церковь и национальную нашу гордость. Ему здорово помогли немецкие унтерменши — Гитлер, Розенберг да Геббельс. "Не виноват топор, что востер, виновата рука недотепы-дурака", — вспомнилось это присловье. Всякая великая нация, ширясь, теснит слабых и малых. Теснить-то теснит, да и дает много. Теснили и теснят во Франции басков и бретонцев, теснили англичане население в Индии. А чуть освободились в Индии от тех, кто внедрил чувство закона и дал мировой язык для культурного общения, чуть прославили независимость, как пролили реки крови. Крови протекло не в десять, а в пятьдесят раз больше, чем за двести лет власти Англии. А что бы было в России с армянами (арменами) и грузинами? Дралась бы меж собою, пока турки не вырезали бы тех и других, не вступили бы твердой ногой на Кавказ.

С Потемкина, князя Таврического, до конца царствования Николая Второго татары спокойно жили в Крыму, молились в мечетях, давали людям в "Дикую дивизию". А при Сталине и Брежневе претерпели разгром и уничтожение с унижением. Видно, Интернационал-то похлеще имперской политики? Да и литовцам круто пришлось после "освобождения" и "свободного" вступления в державу СССР.

Коснусь и евразийства. Прежде всего о. Георгий Фроловский, которого упоминает М. Агурский, очень быстро раскусил ложь и опасности этого движения. Он имел православие в сердце, ему и послужил позднее, как ученый. Он мужественно отсекся от соблазна евразийствующих. Русский же национальный дух, истинно русская литература, проникнуты религией. Наша философия со времен Г. Сковороды (18 век), до дней наших, пронизана религией и, часто, православной концепцией мира. Н. Лосский и о. В. Зеньковский совершенно разные дяди, но в своей истории русской философии сходны в ее религиозной направленности. Добавлю: религиозными люди рождаются, верующими становятся, вероисповеданию обучаются.

Всякая птица свой голос имеет, малая и великая нация поют своим голосом, и не след заглушать и малых птиц и тех, кто стали карликами на пути Госпожи Истории. Великой же Душе, Великой Культуре и великому народу путь должен быть и будет открыт. При коммунизме русские столь же угнетены, да и хуже, чем украинцы или эстонцы. Напомню, не обинуясь, как в Латвии, до ее оккупации СССР, объявился свой, латвийский диктатор. Пресса угодливо начала его величать, а он стал постепенно зажимать права русских и притеснять русских крестьян. И это делал власть имущий крошечного государства, не давшего миру почти ничего в области науки, литературы, музыки, философии и изобразительного искусства. Или и здесь действовал наш русский национал-шовинизм?

Н. М. Карамзин писал правду:

любовь к нации и родине бывает физическая, нравственная и политическая. Мы привыкли к нашей бурной весне и к пространствам ни с чем не сравнимым. Мы связаны с нашими предками и родным любовью и языком. Мы — потомки создателя величайшего в мире государства. История Руси и России — наша российская. Слава ее — наша слава, горе ее — наше горе.

Два чувства равно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к отеческим гробам,
Любовь к родному пепелищу.
На них основаны от века,
По воле Бога Самого,
Самостоянье человека,
Залог спасения его.

октябрь 1982

Р. ПЛЕТНЕВ

Языковые Уродства

ЕЩЕ О МОНАРХИЗМЕ

В книге М. Додолева "Россия и Испания" (Москва, 1984), цитируется донесение поверенного в делах российской миссии в Мадриде П. О. Моренгейма, от 8 декабря 1811 года, содержащее следующую фразу:

"Все, по-видимому, доказывает, что в Кадисе господствует демократическое правительство, которое, однако, не осмеливается представиться иначе, как прикрывшись вывеской монархизма".

К сожалению, автор книги не уточняет специально, была ли эта бумага составлена по-русски (а в те годы официальные документы нередко писали и по-французски). Если по-русски, то слово монархизм у нас существует, следовательно, с весьма давних пор: оно было в ходу еще до начала Отечественной войны!

Но даже если Моренгейм написал monarchisme, ясно, что термин был в употреблении, известен и, в случае надобности, мог в таком же виде использоваться на нашем языке (может быть, например, с произношением монаршизм).

Тем более нет оснований бороться с его применением в наши дни, без которого очень трудно в политике и в политических статьях обойтись!

ГЕРЦОГ

В мою заметку "Ложные этимологии" ("Наша Страна", № 1844) вкралась крайне досадная опечатка: kogo вместо того.

Наше слово герцог заимствовано из немецкого Herzog, которое по-древнеготски звучало harjataruga и являлось калькой с греческого стрателатес. Буквально это слово означает то же, что русское "воевода". Оно в родстве с современными немецкими словами Heer "Войско" и ziehen "тянуть", "вести".

В латинском языке ему соответствовало dux "вождь", откуда современное итальянское duce с тем же смыслом, и различные романские названия "герцога" — французское duc, итальянское duca, испанское duque. Отсюда же возникло и название венецианских дождей.

Любопытно, что дух связано по происхождению с латинским глаголом ducere "вести", который восходит к тому же самому индоевропейскому корню deuk —, что и немецкое ziehen "тянуть".

Аркадий Рахманов

ПЕЧАТЬ

ФРАГМЕНТЫ КОШМАРНОЙ ПРАВДЫ

И Сатана может цитировать Священное Писание! В № 10 "Страны и Мира", в статье С. Максудова "Голод 33-го года", приведен большой (в целую страницу журнала) отрывок из "России в концлагере": "Вот история, рассказанная Иваном Солоневичем, — обитателем одного из островов ГУЛАГа в районе Беломорско-Балтийского канала. И он, и другие заключенные сливали остатки щей в кастрюлю, чтобы подкормить ими ребятишек из соседней деревни..." Далее следует хорошо известный нашим читателям эпизод с голодной девочкой, пытавшейся теплом своего тела растопить замерзшие и превратившиеся в сплошную глыбу льда щи.

Рядом рассказаны много других раздирающих случаев из той же страшной эпохи. Почему автор не пишет так же правдиво всегда? А, к сожалению, мы его знаем по его тенденциозной, нечестной полемике с М. Бернштамом, в коей он обычно старается преуменьшить злодеяния советской власти.

Однако, и того довольно, что он сам же описывает здесь. Этого нельзя ни простить, ни забыть!..

НА СОВЕТЕ НЕЧЕСТИВЫХ

Подытоживая дискуссии на 3-ем Международном Съезде Славистов, Д. Поспеловский констатирует в "Русской Мысли" от 13 декабря 1985 года, что Запад остается в плену ложных представлений о России: "Согласно такой схеме, советская система — продолжение русского империализма, а, следовательно, национальная проблема существует только у нацменьшинств, но не у великороссов. То, что советская власть уничтожила миллионы русских, и среди них — сотни русских писателей, тысячи русских ученых и десятки тысяч русских священнослужителей, — или замалчивается (говорят только об уничтожении украинского крестьянства, католического или иного неправославного духовенства, о гонениях на евреев и на иудейство от начала советской власти до сего дня) или сопровождается совершенно гитлеровско-розенберговскими комментариями о том, что мол у русских рабская психология, они чуть ли не хотят кнута, ведь до революции тоже свободы не было. В таких случаях чувство пропорции совершенно теряется. К советской практике психиатрических тюрем приравнивают единичный случай Чаадаева (которого, как известно, объявив сумасшедшим, оставили жить в собственном доме с полным "ассортиментом" крепостной прислуги), к уничтожению интеллигенции в СССР приравнивают судьбы Радищева, Герцена и Толстого, декабристов и народовольцев".

Из дальнейшего видно, что "на недавно прошедшем в столице США Третьем Международном Съезде по Изучению СССР и Восточной Европы", доклады послушно следовали тем же самым установленным врагами России канонам. Мы знаем, куда "гитлеровско-розенберговские" доктрины привели их последователей. Не лучше кончится и с их продолжателями:

Есть место им в полях России...

Но — страшен черт да милостив Бог! Ученые тупицы подсовывают своим правительствам безумные, гибельные программы. Однако, на деле они могут вовсе и иначе преломиться.

ПАЛАЧИ БОЯТСЯ ВОЗМЕДИЯ

В № 8 "Страны и Мира" опубликовано письмо И. Шамира из Израиля с протестами против каких бы то ни было сравнений между национал-социализмом и большевизмом. Подобные сопоставления, однако, делались и делаются нередко, начиная с конца Второй Мировой войны.

"Эти сравнения" — истерически вопит Шамир — "могут поглотить только бывшим власовцам". Продолжая свои обличения, он добавляет: "Действительно, нацисты немало пробовали играть на дуде "советских преступлений против человечества"...", и негодует, что "немецкая кинохроника снимала экзугацию могил Катюши". Больше всего беспокоит Шамира возможное (и, как он сам признал, *естественное*) "желание покарать виновников", в применении к большевикам.

"Россия, где на каждом столбе висит коммунист", — издевается он, — "эта эмигрантская утопия, видимо, так и останется утопией". Но эмигрантская ли это утопия? Факт, что в Венгрии, восставшей против красной тирании, народ так и сделал. Не сделает ли и в России? А дать гарантию, что мы всех чекистов возьмем под свое крылышко и ото всяких неприятностей предохраним, — кто из нас может (если кто и хочет...)? Г-н же Шамир требует обещаний защиты не только от стихийной расправы, но еще и против "Нюрнбергских процессов в Калуге".

Отвечая ему в чрезвычайно умеренном, почти подобострастном тоне, К. Любарский ловит его, тем не менее, на грубых передержках (в частности, во всем том, что он говорил об Испании) и констатирует: "Да, в Советском Союзе не было уничтожено, как в Германии, 6 миллионов евреев. Истребление целых категорий населения шло здесь по социальному, классовому, а не по национальному признаку (хотя и такое бывало, и примеры вы знаете). Сколько было уничтожено — никто в точности не знает, историки спорят до сих пор. Но спорят они лишь о количестве десятков миллионов: было ли всего лишь 10 миллионов, как считают самые осторожные, или 20 миллионов (некоторые называют даже 60). Неужели и сейчас, вспомнив эти цифры (конечно же, вы их просто забыли!), вы считаете, что коммунизм и нацизм — несравнимы? Да, разумеется, из этих погибших, — лишь малая часть евреи, но даже в пылу любого спора я не могу допустить и мысли, что для вас эта разница может быть решающей".

Ну и напрасно Любарский не допускает. О поляках, расстрелянных в Катюши, Шамир говорит с презрением и насмешкой; о русских и прочих народов России даже и не упоминает. Да и евреи, умученные коммунистами, — что они ему? Они ведь погибли во славу великого социального эксперимента, ради построения бесклассового общества!

Правда, — от того же советского строя сам-то Шамир предпочел смотреть в Израиль. Но уж про это совсем не деликатно было бы рассуждать (Любарский этого и не касается). В. Р.

КИРИЛЛ КРАСТЕЛЕВ

СОЛДАТ

ПАМЯТИ РОСТИСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА ПЛЕТНЕВА

Сейчас уже совсем немного осталось среди нас тех, кто с оружием в руках в годы гражданской войны защищал честь и достоинство России. Уход из жизни каждого из них сегодня воспринимается, как историческая утрата. Но еще тяжелее провозжать в последний путь тех, кто не сложил оружия и после эвакуации, кто мог про себя сказать словами З. Гиппиус, что он был не в изгнании, а в послании. Таким был профессор Ростислав Владимирович Плетнев, скончавшийся в Монреале 25-го ноября на 83-ем году жизни.

Рассказать об этом замечательном человеке нелегко даже вкратце. Родился он в Петербурге 28-го марта 1903-го года в семье юриста, преподавателя Академии Генерального штаба. Он рос в либеральной среде, которая благожелательно приняла Февральскую революцию, но сам Ростислав, будучи еще мальчиком, сразу понял сущность происшедшего. Сцена, виденная им на улицах революционного Петербурга, когда солдатня стреляла по окнам кадетского корпуса, где прятались десятилетние дети-воспитанники, навсегда врезалась ему в память. Плетнев вскоре уехал в имение своих родителей под Полтавой, и, когда туда пришли белые, он сразу пошел в Добровольческую армию. Сам Ростислав Владимирович всегда говорил, что подвигов в армии он никаких не совершил, но он с винтовкой в руках проделал весь ее тернистый путь до Константинополя.

В Белграде начался новый путь Ростислава Плетнева — путь ученого. Закончив гимназию, он стал изучать славистику в Праге, где сразу стал замечен в ученых кругах благодаря своим большим способностям. В круг его интересов входила не только славистика (кстати, по-сербски и по-чешски он говорил, как по-русски, и у него есть научные работы на этих языках), но также история, математика, физика, а главным образом философия. Он был любимым учеником Николая Лосского, на его работы писал рецензии Николай Бердяев. Работы Ростислава Плетнева в области славистики были вынуждены оценить даже большевики, и имя Плетнева упомянуто в советской Литературной энциклопедии. В широких кругах эмиграции была, конечно, больше заметна публицистическая деятельность Ростислава Владимировича Плетнева. Его статьи появлялись во многих эмигрантских газетах и журналах, он сам был одно время членом редколлегии журнала "Русское Возрождение".

Общественная деятельность Ростислава Владимировича всегда носила непримиримый антикоммунистический характер, из-за чего ему в свое время пришлось бежать сначала из Чехословакии при Бенеше, а затем и из Югославии при Тито. Жизнь привела Ростислава Плетнева к убеждению, что без православной монархии России не бывать, но он считал, что скорого возрождения России произойти не может, что русскому народу потребуется еще длительное время чтобы изжить коммунизм. В этом он расходился со многими общественными деятелями как за рубежом, так и в России, которые предрекали скорое падение большевизма.

Принципиальность для Ростислава Владимировича была частью этики. Он никогда не мог принять моральную сдачу перед советской

властью, и потому, например, не постил прихода к большевикам Блоку, Цветаевой и Бердяеву, хотя уважал их талант. Для Ростислава Владимировича настоящим русским поэтом всегда оставался Николай Гумилев, который погиб от пули с гордой поднятой головой. Как отметил в надгробной речи преосвященный Виталий, архиепископ Монреальский и Канадский, Ростислав Владимирович Плетнев, занимаясь в основном литературой, подходил к ней с духовной стороны, рассматривал литературу как кафедру, как это всегда было в России, а не как тетрадку для стилистических упражнений. Он был человеком, который со спокойной совестью мог сказать про себя словами своего любимого поэта Гумилева:

Славно молоты громовые
Или воды гневных морей
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И вот еще одно такое сердце перестало биться...

КИРИЛЛ КРАСТЕЛЕВ

Спасемся мы в годину наваждений,
Спасут нас крест, святыня, вера, трои!
У нас в душе сложился сей закон,
Как знамяе побед и избавлений!

Ф. ДОСТОЕВСКИЙ

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ И. Л. СОЛОНЕВИЧА

В "Фонд Издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича" поступили следующие суммы:

от А. Ю. Корса — 17.- ам. долл., от Л. И. Бутова — 500.- нем. марок, от С. А. Заботкина — 1.- авст., от Б. А. Хольмстона — 106.- нем. марок, от Л. Апанасевича — 4.- ам. долл., от Н. Казаковой — 25.- ам. долл., от Е. Беднарской — 10.- авст., от С. Яунзем — 38.- ам. долл., от В. И. Лещина — 100.- нем. марок, от К. Емцова — 9,60 авст., от В. И. Р. — 100.- ам. долл., от д-ра Г. Л. Ряснянской — 3,24 авст., от Б. С. Димитрова — 10.- ам. долл., от Г. Михайловского — 35.- ам. долл.

НОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ

Издательство и Редакция "Нашей Страны" обращаются к каждому подписчику с просьбой постараться найти хотя бы одного нового подписчика на нашу газету.

Если бы даже только половина сегодняшних читателей нашла по одному новому подписчику, этим не только упрочилась бы материальная основа "Нашей Страны", но и была бы создана возможность увеличения размеров газеты и расширения и улучшения ее содержания.

БИБЛИОГРАФИЯ

E. Topol and F. Neznansky. "Red Square" (London, 1984).

После отличной книги "Журналист для Брежнева", Э. Тополь и Ф. Незнанский выпустили другую, на этот раз по-английски, которая не хуже первой и является отчасти ее продолжением (в ней фигурируют те же следователь Шамраев, журналист Белкин и еще несколько уже знакомых нам лиц).

Как и "Журналист для Брежнева", "Красная Площадь" представляет собою превосходный детективный роман, ни в чем не уступающий первоклассным образчикам западной литературы, но с действием на фоне советской действительности самого недавнего времени (в нем отражены последние годы Брежнева у власти).

В одном отношении можно отметить разницу между двумя обсуждаемыми произведениями; и по вопросу довольно важному.

В "Журналисте для Брежнева" речь шла, в основном, об уголовном происшествии, хотя и с отголосками, касающимися иных аспектов подсоветского быта. В "Красной Площади" герой оказывается сперва поневоле впутанным в политическое дело; а потом уже и не хочет от него уклониться по эмоциональным побуждениям (все это показано очень хорошо и убедительно).

Шамраев сталкивается с заговором против Брежнева, имеющим целью заменить его компанией, состоящей из Сулова, Андропова и группы их сообщников.

Причем их задача — сделать курс Советского Союза еще более страшным, вернуться во многом к сталинизму, углубить порабощение масс, удлинить сроки воинской повинности, вести более жестокую линию в Польше и в Афганистане, и т. д.

При таком положении дела, можно понять, что Шамраев предпочитает поддерживать Брежнева. Который изображен весьма хитрым (возможно, — хитрее, чем он в реальности был); притворяющимся больным и старой развалиной, не понимающим, что сам говорит и думает, — а в действительности еще вполне бодрым и действующим согласно своим продуманным планам.

Он, и стоящий вокруг него некий мозговой трест, немерены даже ввести в стране некоторую экономическую свободу, ослабив борьбу с частниками и спекулянтами и, во всяком случае, не нажимать на педали.

Выбор Шамраева, решающего их поддерживать, психологически понятен. Однако, автор показывает и то, что брежневцы ведут себя затем с самой черной неблагодарностью: им не следовало верить ни в чем. Самое же предательство, буд-то Брежнев был лучше Андропова (или, вернее, — Андропов хуже Брежнева), свойственное отчасти Западу, — основано ли на чем?

Вот теперь мы видели краткое царствие Андропова и за ним также недолгое правление Черненко, — и что же?

Можно сказать словами, приписываемыми Андропову: Кагебыло кагебудет!

То есть, ничего существенного не меняется, пока стоит советский

режим, основанный на терроре и принуждении; кто бы не стоял у кормила власти, а главным фактором остается К. Г. Б. и чекистский аппарат.

Если таковы главные замечания, которые хочется сделать, оторвавшись от книги, с ее непрерывными крутыми поворотами, неожиданными событиями, трагическими и порою комическими происшествиями, есть и некоторые другие еще

Например, совсем непропорционально много места занимает в романе еврейский вопрос, несколько искусственно притянутый к фабуле повествования. Остается впечатление, что вовсе неправ Шамраев, по матери еврей, а по отцу русский, когда сердится на подростка-сына, Антона, желающего быть просто и только русским безо всяких осложнений: разве это не право человека, самому определять свою национальность? Притом, Антон вполне убедительно напоминает отцу, что он сам был женат на русской, вращается среди русских, и даже ни слова не знает по-еврейски.

Весь этот вопрос об антисемитизме и о положении евреев в России — второстепенный, и решится легко, когда наша родина освободится от большевизма и вступит в эру свободы и нормальной человеческой жизни; решится, вероятно, ко благу всех, обитающих в ней народов. Искусственно же раздувать между ними конфликты (что как раз выгодно коммунистам) не стоит никак.

Испытываешь некоторое сожаление, читая "Красную Площадь" в английском переводе (видимо, вполне доброкачественном): мы знаем с каким богатством оттенков и выразительности авторы пишут по-русски! Будем надеяться, что книга эта в скорости и в подлинном русском тексте станет доступна публике.

Л. Ежовский. "Катынь 1940" (Издательство "Голос", 1983).

Брошюра говорит о чудовищном злодеянии большевиков, о котором все мы слышали, но мало кто знает в подробностях. Автор ясно доказывает, что польские офицеры из лагерей в Козельске, Старобельске и Осташкове были расстреляны чекистами, а уж никак не немцами. Впрочем, кто может думать иначе? Факты сами по себе, помимо уж свидетельств международной комиссии, не допускают сомнений.

Самое интересное, это часть, которую бы можно было назвать "После Катыни", рисующая политику по данному вопросу Соединенных Штатов и Англии. Выпишем несколько кусков:

"Особенную ценность представляли показания двух жителей. Один из них был 73-летний колхозник Парфений Киселев, который первым указал немцам место расстрелов. Он охотно делился с журналистами из оккупированной Польши и нейтральных стран виденным и слышанным. Вероятно он рассчитывал на то, что советская власть больше сюда не вернется. В конце 1943 года этот несчастный человек оказался в лапах Н. К. В. Д. Больше его никто не видел, только печаталась его обширные опровержения всех показаний, данных им раньше. Можно только предполагать, как оборвалась жизнь это-

го старика... Вторым активным свидетелем был местный кузнец Иван Кривожерцев (1915-1947). Он понимал, что его ожидает, и, когда немцы начали отступать, сам двинулся на Запад. Добрался до Германии и пережил войну, как сотни тысяч других русских, которые в гитлеровском нашествии 1941 года видели возможность освобождения от сталинской тирании (многие из них погибли потом в СССР, после выдачи их Советскому Союзу Америкой и Англией в 1945 году). В мае 1945 года Кривожерцев вошел в контакт с американцами и выразил готовность дать исчерпывающие показания о катынском преступлении. В ответ он услышал, что этот вопрос подлежит компетенции советских властей и что его готовы передать соответствующим советским органам для дачи показаний по этому вопросу. Ошеломленному Кривожерцеву удалось сбежать и после долгих мытарств найти наконец в Германии польскую воинскую часть. Его перебросили в распоряжение 2-го корпуса в Италии, где он под присягой дал показания, которые и поныне являются самым ценным документом Катынского дела. После войны он поселился в Англии, укрывшись под именем Михаил Лобода. Его конспирация оказалась недостаточной. Советской разведке удалось напасть на его след. В октябре 1947 года, его нашли повешенным в каком-то здании пригорода Лондона. Английская полиция поспешила заявить о самоубийстве, и следствие было закрыто.

30 апреля 1943 офицер связи между США и польской армией на Ближнем Востоке, полковник Генрих Шиманский, направил в Вашингтон обстоятельно документированный рапорт, возлагавший вину за катынские расстрелы на Советский Союз. В то время в самые высокие круги вашингтонской администрации проникли многочисленные советские агенты. Они-то и постарались приостановить дальнейшую обработку информации и заставить официально признать советскую версию. 24 мая 1943 года, посол Англии при польском правительстве в изгнании, сэр Оуэн О'Маллей направил своему правительству подробнейший рапорт, в котором, тщательно проанализировав Катынское дело, пришел к выводу: не подлежит сомнению — за катынские злодеяния ответственна Москва, а не фашистская Германия. И этот документ был засекречен: о нем не проинформировали ни британский парламент, ни тогдашний Совет Министров. Точно такая же судьба постигла очередной рапорт от 11 февраля 1944 года, в котором ставились под сомнение результаты "советских исследований" в Катыни. По иронии судьбы, рапорт О'Маллея был опубликован английским историком Луи Фитцгibbonом лишь в 1972 году.

Отношение правительства США и Великобритании к Польше в этом вопросе можно назвать нелояльным, а скорее — позорным. Вашингтонская администрация, используя все уловки, постаралась ввести в заблуждение американское общественное мнение...

Отношение Рузвельта к вопросу о военнопленных красноречиво характеризуется его встречей в Вашингтоне со Станиславом Миколайчиком в 1944 году. Во время их беседы выяснилось, что на Тегеранской конфе-

ренции 1943 года, Сталин говорил о своих планах уничтожения 50.000 плененных немецких офицеров, против чего Рузвельт не очень возражал, и только Черчилль запротестовал.

В конце апреля 1943 года генерал Сикорский представил премьеру Великобритании "Дело Катыни". "Он заявил мне, что располагает доказательствами убийства по заданию советских властей 14.500 офицеров и других польских пленных... Они мертвы, ответил я ему, — пишет Черчилль, — и что бы вы ни предпринимали, их уже ничто не воскресит".

Британские власти в деле Катыни вели свою коварную политику. Английская военная цензура запрещала польским газетам и журналам публиковать любую информацию, в которой виновники катынской трагедии назывались по имени. Открыто писать об этом стало возможно только после отмены военной цензуры в 1945 году".

К числу недостатков брошюры, переведенной с польского, надо отнести то, что все иностранные имена в ней транскрибируются с польским акцентом. Так, шведская газета "Дагенс Нюхетер" тут названа "Дагенс Ныхетер" (!); вместо *Навилль*, пишется *Навилле* и т. д.

Некоторое удивление вызывает факт, что Ежовский нигде не ссылается на известного польского писателя Ю. Мацкевича, участвовавшего в международной комиссии и опубликовавшего книгу о Катыни (по-английски в 1952 году, затем переведенную на ряд других языков). Чем это объяснить?

Испытываешь, кроме того, сожаление, что к брошюре приложена декларация сочувствия, подписанная группой левых диссидентов, многие из которых известны как лютые русофобы (Амальрик, Плющ, Малинкович и ко.). Такие союзники могут только компрометировать польское дело в глазах русских патриотов; которые, в остальном, не могут не склоняться с глубоким сочувствием головами перед жертвами большевизмского злодеяния.

Ни к чему тоже и сомнение автора, не может ли инцидент в Катыни испортить отношения между польским и русским народом. Русский народ в советских жертвах не при чем (да Ежовский и сам это знает, и даже упоминает); сколько страшных жертв понес наш народ, и все народы Российской Империи от проклятой, чудовищной коммунистической власти! В этом деле, русские и поляки — товарищи по несчастью и братья по страданиям...

Владимир Рудинский

И СМЕХ И ГРЕХ...

Перлюстрация французской почтой письма в Москву одного из советских журналистов, сопровождавших недавно Горбачева в Париже:

Ты хочешь знать, что нового у нас. В Женеве метим мы сейчас... Но нам молчать приказано: все в "Правде" уже сказано, подтверждено в "Известиях".

С покорнейшим приветствием
(Подпись неразборчивая)

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев Редактирует: Реп. Коллегия. Адрес: М. Киреев, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - \$ 0,20. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917 Editor: M. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires.

Correo ARGENTINO Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Sucursal 30 (B) Interes general. Conces.No. 3980